

«Политтехнологии» Дальневосточной республики: методы и приёмы большевиков в борьбе за власть в «буфере»

Татьяна Зиновьевна Позняк,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Отдела истории Дальнего Востока России Института истории,
археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток.

E-mail: tzpoznyak@mail.ru

Статья посвящена анализу «политических технологий» большевиков в борьбе за власть в Дальневосточной республике. В сложных условиях необходимости создания образа демократического государства — сохранения частной собственности, парламента, многопартийности, свободы слова, печати, собраний, «четырёххвостки» — большевики сумели установить свою власть в буферном государстве. Основными методами, позволившими им обеспечить своё главенство, были руководство представительными и исполнительными органами в республике и контроль над ними РКП(б) в лице Дальбюро над через коммунистические фракции и фракцию крестьянского большинства, кадровую политику, «усечённый» вариант парламентаризма, инсценировки поддержки масс и пр. Главным полем большевистских «политтехнологий» были избирательные кампании в Учредительное и Народное собрания ДВР, областные собрания уполномоченных. Демократический характер выборов, провозглашённый в Конституции, сильно девальвировался из-за использования большевиками административного ресурса. Кроме законных методов агитации (митинги, собрания, публикации в печати, распространение литературы, командирование инструкторов и пр.), использовались и незаконные: контроль состава избирательных комиссий, прямое препятствование свободе выборов (срыв неудобных собраний, отклонение списков оппозиции под надуманными предложениями, аресты представителей оппозиции, закрытие газет), обман или введение в заблуждение неграмотных избирателей, подделка результатов выборов и пр. В 1922 г. наступление на демократические свободы стало полномасштабным и фактически привело к переходу на советский порядок во многих сферах ещё до упразднения буферного государства.

Ключевые слова: Дальневосточная республика, избирательные кампании, политтехнологии, Дальбюро ЦК РКП(б), кадры, большевики, парламент, оппозиция.

“Political technologies” of the Far Eastern Republic: Methods and Techniques of the Bolsheviks in the Struggle for Power in the “Buffer”.

Tatiana Poznyak, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS, Vladivostok, Russia. E-mail: tzpoznyak@mail.ru.

The paper is devoted to the analysis of the “political technologies” of the Bolsheviks in the struggle for power in the Far Eastern Republic. In the difficult conditions of the necessity to create an image of a democratic state — the preservation of private property, parliament, a multi-party system, freedom of speech, the press, assemblies, the universal direct equal and secret vote (“four tails”) — the Bolsheviks managed to establish their power in the buffer state. The main methods that allowed the Bolsheviks to secure their supremacy were the leadership of the representative and executive bodies in the republic and control by the RCP (Bolsheviks) represented by Dalburo through the communist fractions and the fraction of the peasant majority, personnel policy, the “truncated” nature of parliamentarism, the staging of support for the masses, etc. The main field of Bolshevik political technologies was the election campaigns to the Constituent and People’s Assemblies of the Far Eastern Republic, regional assemblies of commissioners. The democratic nature of the elections, proclaimed in the constitution, was greatly devalued due to the use of administrative resources by the Bolsheviks. In addition to relatively legal methods (rallies, meetings, press, distribution of literature, secondment of instructors, etc.), the Bolsheviks also used illegal methods: control of the composition of election committees, direct obstruction of the freedom of elections (disruption of inconvenient assemblies, rejection of opposition lists under far-fetched pretexts, arrests of opposition representatives, closure of newspapers), deception or misleading illiterate voters, forgery of election results, etc. In 1922, the attack on democratic freedoms became full-scale and led to the transition to the Soviet order in many areas even before the abolition of the buffer state.

Keywords: Far Eastern Republic, election campaigns, political technologies, Dalburo of the Central Committee of the RCP(b), personnel, Bolsheviks, parliament, opposition.

История Дальневосточной республики является весьма исследованной темой в отечественной историографии. Наиболее активно изучались политические процессы, ход боевых действий, внешнеполитические аспекты. Основной ракурс большинства советских работ — создание большевиками ввиду сложной международной обстановки и невозможности вести войну на два фронта временного буферного государства с элементами буржуазной демократии и сохранением частной собственности вместо установления Советской власти; успешная борьба с белогвардейцами и интервентами за освобождение Дальнего Востока. При этом фикция демократии в ДВР не скрывалась, а, напротив, ставилась в заслугу создателям республики. Постепенно сформировался дискурс о руководящей роли ЦК РКП(б) и лично В.И. Ленина в создании и деятельности ДВР [1; 9; 11; 20; 21; 22 и мн. др.].

В перестроечное время на волне гласности, надежд на утверждение демократии в стране и в то же время в контексте требований регионами самостоятельности и освобождения от диктата центра история ДВР стала полигоном апробации идей о том, что в России были примеры бунта против центра и строительства «демократической альтернативы» [17, с. 119—146]. Однако в большей части постсоветских работ подобные мысли не разделялись. В трудах по ДВР одного из ведущих специалистов позднесоветского и постсоветского времени — В.В. Сонины — детально разобраны правовые основы, избирательная система, структуры центральной и местной власти создаваемого государства [16]. По его мнению, с одной стороны, согласно Конституции, государственный строй ДВР базировался на народовластии и демократической форме правления, с другой — в результате курса на советизацию правовая система республики вплотную приблизилась «по своему содержанию к правовой системе РСФСР» [16, с. 311—315]. С точки зрения В.И. Василевского, на словах в ДВР хоть и провозглашалась демократическая парламентская республика, но в реальности она была «государством с ограниченным суверенитетом»; элементы парламентаризма носили «усечённый характер», как и свобода слова и печати; коммунисты широко использовали возможности правящей партии для ограничения деятельности оппозиционных партий [7, с. 48—54; 8, с. 75—78]. В конце 1990-х — начале 2000-х гг. опубликован ряд статей и три монографии А.А. Азаренкова по истории ДВР. Автор детально проанализировал не только появление идеи «буфера», но и трансформацию его конструкции, показал, что этот процесс находился в тесной зависимости от расстановки политических сил и военной обстановки в Сибири и Прибайкалье [3], а также рассмотрел процесс создания и функционирования представительных и исполнительных органов власти в республике [2; 5].

Целью данной статьи является анализ политических технологий, используемых большевиками в борьбе за власть в буферном государстве. Термин «политические технологии» применяется в современной политологической литературе при описании методов борьбы политических партий и отдельных кандидатов в ходе избирательных кампаний. Однако необходимо трактовать его более широко — как приёмы и методы политической борьбы в целом.

Своё главенство в «буфере» большевикам приходилось упорно отстаивать. Судя по сводкам органов Государственной политической охраны ДВР (ГПО) за 1920—1922 гг. и отчётам областных властей (партийных и гражданских), популярность «буфера» (и особенно коммунистов) была низкой и сильно зависела от экономической ситуации [12, с. 59—60; 13, с. 198—203]. Большинство методов, приёмов и практик большевиков в ДВР были нацелены на достижение успеха в борьбе за власть, на «устранение» или нейтрализацию конкурентов, их дискредитацию в глазах крестьянских и рабочих масс.

Провозглашение ДВР в апреле 1920 г., как и упразднение «буфера» в ноябре 1922 г., были успешными инсценировками большевиков. Для достижения своей цели — получения необходимых результатов голосования на съезде трудового населения Прибайкалья, который должен был выступить в качестве учредительного, — они тщательно отобрали депутатов, провели агитацию среди участников. Выборы делегатов проходили на смешанной

основе — территориально-производственной — от волостных управлений, казачьих станиц, сельских исполкомов, армии, профсоюзов, других общественных организаций. Их нельзя назвать всеобщими и демократичными, так как применялись положения Конституции РСФСР 1918 г., т.е. эксплуататорские классы избирательных прав не имели. Кроме того, на съезде проводилась дополнительная «фильтрация»: нежелательных делегатов большевики лишили права решающего голоса. Несмотря на такой барьер, эсеры и меньшевики были представлены на съезде и использовали его в целях демократизации «буфера» [3, с. 82—83, 86—87].

Для создания имиджа демократической власти большевики вынуждены были допустить выборы Учредительного собрания и формирование правительства на коалиционных началах. При этом изначально несколько попыток переговоров с эсерами и меньшевиками о создании коалиции не увенчались успехом. Большевики, связанные директивами центра и собственными убеждениями, не шли на уступки, а правые социалисты отказывались от участия во власти на неравноправных условиях, не желая выступать в качестве прикрытия для большевиков и недемократической сущности «буфера». Меньшевики и эсеры считали, что последний надо строить не на советской, а на широко демократической основе, со всеобщим, прямым, равным и тайным избирательным правом, парламентом, разделением законодательной и исполнительной властей и пр. С их стороны условием для вхождения в коалицию было создание предпарламента до созыва Учредительного собрания [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 75]. Коммунисты же (при внутренних разногласиях в вопросе о характере «буфера») были против как предпарламента, так и постоянного парламента, и выступали лишь за внешние демократизм и независимость от Советской России. Демократический образ «буфера» должен был служить ширмой для советских порядков и руководящей роли коммунистической партии [3, с. 85—87; 21, с. 70, 82].

Привлекая правых социалистов в коалицию, большевики хотели создать лишь иллюзию оппозиции во власти законодательной и исполнительной. Во-первых, они фактически свели к минимуму роль парламента, превратив его во временный — собираемый только на сессии два раза в год, перенося сессии ввиду обострения ситуации в республике и внешнеполитических обстоятельств, а также наделили законодательными функциями правительство. Во-вторых, в представительных органах они использовали проверенное средство нейтрализации оппозиции — создание коммунистической фракции (комфракции), которая должна была выступать единым фронтом и проводить нужные решения. В-третьих, в исполнительных органах такую же роль выполняли коммунистические ячейки (комячейки). В-четвёртых, в законодательных органах, где коммунисты (без «революционного крестьянства») не имели кардинального перевеса сил, важнейшей задачей были контроль над крестьянской фракцией и руководство ею, а поскольку единой фракции из крестьян, подконтрольной большевикам, создать не удалось, то управлять предполагалось фракцией крестьянского большинства [8, с. 75—77]. В результате Учредительное/Народное собрание ДВР представляло собой весьма «усечённый парламент», оставаясь дискуссионной площадкой, но большинство его решений было предрешено вследствие влияния большевиков на крестьянское большинство.

Что касается правительств ДВР, то все три избранных в апреле и ноябре 1920 г. и в апреле 1921 г. состояли из коммунистов и представителей «революционного крестьянства», а единичные исключения не представляли угрозы единству принимаемых решений. Только 12 мая 1921 г. был сформирован первый собственно коалиционный Совет министров: 9 большевиков, 3 меньшевика, 3 эсера, 1 народный социалист; но уже к концу 1921 г. последние прекратили сотрудничество с большевиками в центральных органах на ключевых постах [3, с. 108; 10, с. 404—405; 20, с. 36; 21, с. 82—83, 86—87]. Ограниченность прав оппозиции подтверждалась и недопущением правых социалистов на ключевые министерские посты [21, с. 101—102].

Проводником влияния коммунистической партии и ЦК РКП(б) в ДВР выступало созданное 3 марта 1920 г. Дальбюро, подчинённое до августа 1920 г. Сиббюро ЦК РКП(б), а в дальнейшем — ЦК РКП(б). 14 октября 1920 г., ещё до объединительной конференции областных правительств, Дальбюро ЦК РКП(б) постановило, что «все министры и ответственные государственные работники ДВР из числа членов РКП(б) являются агентами Дальбюро, в общем поведении и отдельных действиях подчинёнными в порядке партийной дисциплины всем решениям и указаниям последнего». Эти приёмы большевики пытались сохранить в тайне. В постановлении указывалось: «При сношениях по различным делам и вопросам с Правительством ДВР и отдельными его членами установить за правило, что указанные сношения должны происходить в особо секретном порядке, с передачей необходимых решений и постановлений Дальбюро, по возможности, путём личных сношений» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 65].

Сразу же после конференции и создания нового Временного правительства в середине ноября 1920 г. Дальбюро приняло ряд постановлений, нацеленных на подчинение ему правительства и Совета министров. 17 ноября 1920 г. были обсуждены порядок работы правительства и принятия им государственных мер, а также вопрос о необходимости создания особой коммунистической фракции в Совете Министров; 29 ноября 1920 г., во-первых, С.Я. Гросману поручили организовать комфракцию в Совете Министров; во-вторых, установили порядок, согласно которому все повестки заседаний и доклады, подлежащие внесению в правительство предварительно рассматривает Дальбюро, затем комфракция при Совете Министров, и только потом они передаются фракции в правительстве. Кроме того, Дальбюро определило порядок созыва и голосования комфракции: «Объявить членам фракции, что по всем вопросам на правительстве они голосуют согласно предложениям членов Дальбюро» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 88—88 об.]. Эти постановления сводили к нулю возможность провести в правительстве постановления, негодные коммунистам.

30 ноября 1920 г. Дальбюро установило порядок распределения ответственных партработников: все «назначения, смещения, перемещения, командировки, отпуска ответственных партийных работников, стоящих как на государственной, так и на партийной работе» должны были происходить только по разрешению Дальбюро, а перемещение партийных работников из области в область — проводиться через его секретариат [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 82, 85, 87]. Важнейшей задачей партии была расстановка своих кадров на

ключевых постах в центре и на местах. Её выполнение осложнялось острым дефицитом финансов и кадров как на уровне областной и уездной власти, так и (в особенности) в волостных и сельских комитетах. В течение 1921—1922 гг. просьбы областных властей к центру прислать работников, способных исполнять обязанности на местах, оставались чаще всего неудовлетворёнными. То, что большевики смогли в значительной степени проделать в представительных органах власти — в центре и на областном уровне — не удалось сделать в исполнительных органах, и главной причиной была нехватка «проверенных» кадров. Областные отчёты, записи переговоров по прямому проводу переполнены жалобами на контрреволюционность волостных управлений, засилье кулаков в сельских комитетах, на отсутствие коммунистов для занятия партийных и государственных должностей, а также партийной работы на низовом уровне [12, с. 63—79].

Главным полем применения большевистских политтехнологий были избирательные кампании в Учредительное и Народное собрания ДВР, областные собрания уполномоченных. Учредительное собрание избиралось всеобщими прямыми тайными и равными выборами (так называемая четырёххостка). Демократический характер выборов был санкционирован Москвой и стал серьёзной уступкой правым социалистам [3, с. 93—100]. В Конституции ДВР также были прописаны всеобщие прямые тайные равные выборы как в законодательные органы власти (центральные и областные), так и в «местные органы самоуправления» [6, с. 566, 572—573]. Однако использование большевиками административного ресурса в ходе избирательных кампаний сильно обесценивало эти демократические институты.

К выборам в Учредительное собрание Дальбюро ЦК РКП(б) начало готовиться с начала декабря 1920 г. Сразу после объявления о выборах оно направило партийцев для организации избирательной кампании в областях и уездах, командировки осуществлялись за государственный счёт, и на это время ответственные работники освобождались от основных обязанностей. 5 декабря 1920 г. Дальбюро постановило председателя Госконтроля Пичугина вместо поездки во Владивосток «для разведки путей и способов выкачки товаров», скопившихся там, командировать в Хабаровск для проведения беспартийной конференции по выборам в Учредительное собрание и проведения своей кандидатуры на выборах по Хабаровскому округу. Кроме того, секретариату было поручено «в спешном порядке распределить активных работников по районам для проведения кампании по выборам» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 90—90 об.].

На заседании 10 декабря 1920 г. утвердили порядок распределения по районам ответственных работников. Их кандидатуры намечалось провести на выборах в этих районах. Список включал: «по Восточному Забайкалью Краснощёкова Александра Мих., Петрова (по Чите), Фёдорова (Акшинский район), Сигаль (Нерчинск), Ларин (Чита), Матвеев Евгений Михайлович, Матвеев Николай Михайлович (Чита уезд), Шилов Дмитрий Самуилович и Шилов Степан Самуилович (Нерчинск), Знаменский (среди казаков), Бондаренко, Резников (Чита), Аршинского (Чита уезд), Бочкарёв (Нерчинск), Кнопинский (Чита), Малышев (Чита и арм.), Керницкий (Чита), Шергов (г. Сретенск),

Блинников (Унда), Саловаров, Сараев, Черненко, Киргизов (Борзя), Жигалин Яков (Акша), Намоконов Петр (Унда), Широких Назар, Кузнецов (Чита); Федорец, Носок — Ольгинский уезд, Безсонов-Анищенко, Геласимов, Слепак и Пичугин — по Приамурью; по Амурской области: Краснощёкова по крестьянскому району, Трилисера — по городу и деревне, Шилова Дмитрия и Дельвига Михаила — по области; по Западному Забайкалью: Дворницына, Белановича, Кузнецова-Воронова, Ромм, Кривошеина, Рябикова, Малькова-Мангурова, Пономарёва (от Баргузина); *Краснощёкова (по Владивостоку), Гросмана (по Владивостоку и Сучану), Панкратова, Меркулова, Румянцева, Похвалинского, Никифорова — по Приморской области*¹ [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 97].

Большую часть голосов коммунисты рассчитывали получить за счёт голосования Народно-революционной армии (далее — НРА). 18 декабря 1920 г. Дальбюро поручило Политэmissару НРА составить список работников, обязательных для проведения по армии, а выдвинутые кандидатуры решили проводить как список «коммунистов — большевиков и защитников Советской России»; был утверждён список кандидатов, которые должны были идти на выборы по армии: Шилов (от 3, 5 и 9 районов), Серышев (5 и 9), Постышев (5 и 9), Сноскарев (4), Жигалин (9), Финьковский (7 и 10), Аносов (1 и 6), Буров (4 и 6), Лебедев (10), Акимов (3), Коротаев (3), Бельгов (8), Бутырин (6), Бородавкин (5 и 9), Бакулин (7), Калманович (4), Павлов (8), Фёдоров (3), Школин (4), Лежнин (10), Петухов (4), Безруков (8), Киргизов (3), Знаменский, Краснощёков, Гроссман, Трилиссер, Кожевников и Эйхе² [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 11. Л. 101—101 об.].

Кандидаты — члены Дальбюро, правительства, ответственные партийные работники — баллотировались по нескольким районам и по армии, и от гражданского населения. Это должно было обеспечить их прохождение на выборах. Дополнительную гарантию давало включение кандидатур коммунистов в списки революционного крестьянства, выдвинутых на местах, первыми номерами. Последнее уже во время работы Учредительного собрания предоставило им возможность скрыть свою партийную принадлежность и выступать в качестве крестьян.

По такой же схеме Дальбюро ЦК РКП(б) организовало выборы в Народное собрание 2-го созыва. Порядок выборов в Народное собрание, установленный Положениями о выборах и Конституцией ДВР, подробно проанализирован в литературе [10, с. 404; 16, с. 149—152]. По данным В.В. Сониной, Учредительным собранием выборы были запланированы на 27—29 апреля 1922 г., сформирована Центральная избирательная комиссия во главе с Я.Д. Янсоном. Однако из-за сложной внутривнутриполитической обстановки выборы были перенесены на более поздний срок — 21—23 июня 1922 г., а 2 мая 1922 г. правительство назначило новую дату выборов — 25 июня 1922 г. [16, с. 152]. В обобщающей монографии по истории Революции и Гражданской войны на Дальнем Востоке указано, что 14 февраля 1922 г. «большевистское руководство постановило

¹ Выделенное курсивом в источнике дописано карандашом.

² Район не указан.

провести выборы нового состава Народного собрания в начале лета текущего года». Точную дату поручалось определить правительству, которое 9 марта объявило первым днем выборов 27 апреля, но 6 апреля издало постановление о переносе выборов на 21 июня 1922 г. [10, с. 404].

В протоколах Дальбюро автором настоящей статьи выявлены иные органы власти и даты принятия решений о сроках проведения и порядке организации выборов в Народное собрание 2-го созыва. 14 февраля 1922 г. Дальбюро наметило проведение выборов в начале лета 1922 г. [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 43]. 13 марта 1922 г. первым днем выборов оно назначило 20 июня 1922 г., затем всё было перенесено на 25—27 июня. На этом же заседании для организации подготовки и проведения предвыборной кампании при Дальбюро была организована комиссия под председательством одного из его членов. На него были возложены «конструирование комиссии» и ответственность за проведение кампании [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 58]. 14 марта председателем комиссии назначили Я.Д. Янсона [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 75]. 4 апреля 1922 г. было решено выступать на выборах единым кандидатским списком РКП и профсоюзов. Комфракции ДВСПС было поручено «немедленно приступить к подготовке профессиональных организаций в указанном направлении» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 95]. 15 мая 1922 г. в Чите состоялась краевая конференция профсоюзов, постановившая выступать на выборах только с коммунистами [19, с. 246].

2 мая 1922 г. Дальбюро предложило «Губкомам и Военпуру включить в избирательные списки нижеследующих товарищей: Прибайкальскому — Никифоров, Буйко, Малышев, Кнопинский; Забайкальскому — Матвеев Н.М., Шилов, Янсон (по г. Чита), Шуликов, Суховий; Амурскому — Никифоров (по г. Благовещенск), Наумов, Мадеко, Боровинский, Ф.Н. Петров; Приамурскому — Носок-Турский, Масленников, Слинкин; Приморскому — Слинкин, Пшеницын, Губельман; Военпуру — Буйко, Анохин, Копытин, Черемных». Комиссия по выборам при Дальбюро получила право изменять этот список «в отношении перемещения поименованных в нём кандидатов» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 111]. 9 мая Дальбюро утвердило протокол избирательной комиссии, в котором предлагалось командировать для проведения предвыборной кампании в Прибайкальскую область П.П. Постышева, Забайкальскую — Я.Д. Янсона, Амурскую — П.Ф. Анохина, Приамурскую — М.И. Губельмана, а также провести мобилизацию партработников для организации избирательной кампании; 16 мая 1922 г. Дальбюро постановило выделить для проведения кампании государственные средства и предложить Предсовмина П.М. Никифорову «сделать распоряжение об отпуске областным комиссиям по выборам в Нарсоб Амурской, Забайкальской и Прибайкальской по 2000 р.» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 131. Л. 117, 121].

Расходование государственных средств на избирательную кампанию ставило в неравные условия большевиков и представителей оппозиции. Большевики (в то время как сами использовали административный ресурс) обвиняли правых социалистов в привлечении средств кооперативных организаций и государственных органов на агитационную работу в деревне [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 114. Л. 18].

Кроме вполне законных методов агитации (проведение митингов и собраний, устройство спектаклей и концертов, организация агитпоездов, издание и распространение коммунистической литературы и газет), большевики не гнушались и незаконными, но целесообразными, с их точки зрения, методами выборной борьбы. Например, секретарь Забайкальского губкома РКП(б) Б. Корницкий предложил местным укомом и райкомом партии мобилизовать партийцев для дежурств у избирательных участков во время выборов. «В обязанности указанных товарищей входит ... предложение своих услуг неграмотным и неумелым товарищам для заполнения избирательных записок, стараться дать избирателям нашу избирательную записку, приготовив и распространив их среди населения в соответственном количестве» [7, с. 52—53].

Член РКП(б) А.А. Мадехо 13 августа 1922 г. совершенно секретно доложил в Дальбюро ЦК РКП(б) о подготовке, проведении и результатах выборов в Завитинском районе Амурской области, куда он был послан 18 мая в качестве инструктора и агитатора. В докладе без прикрас описаны методы проведения выборной кампании большевиками, документ не нуждается в комментариях³: «...к моему приезду 5/07⁴ уездпарттройкой через своих инструкторов и ячейки уже были созданы Учкомиссии и местами весьма удачно тем, что в комиссию по одному или по два были назначены свои товарищи. Но в большинстве кулацких сел сделать это было невозможно и эти комиссии состояли или целиком из кулаков враждебных нам или имелось наше весьма слабое влияние. Велась также парттройкой и Учкомом работа по созыву предвыборного райсъезда из части волостей, расположенных ближе к Завитой и бывших ранее более революционными. Ознакомившись предварительно с настроением населения было видно, что съезд будет не в нашу пользу, но предотвратить было уже поздно, т.к. съезд был назначен на 7 июня, а приехал я 5 июня. Укомом инструктора были уже разосланы по сёлам на предмет проведения своих представителей или сочувствующих на съезд.

Норма представительства была назначена независимо — не считаясь с количеством населения по 2 человека от деревни и организации. Пропорциональность соблюдена не была. Съезд созывался инициативной группой крестьян и рабочих, созданной Укомом.

7-го к полудню начали съезжаться представители деревень и выявилось, что съезжаются больше кулаки причем беднейшие сочувствующие деревни присылали по 2 представителя т.е. соблюли норму представительства, а кулацкие враждебно настроенные прислали по 7 и более представителей от деревни. Предвидя, что съезд кроме вреда ничего не даст, мы задались целью съезд оттянуть, дабы на случай срыва этого съезда они не имели возможность выставить организованно свои списки, назначили время открытия его на 7-е июня в 9 ч. утра, мотивируя это тем, что не все еще съехались. Этим

³ В тексте сохранена пунктуация и орфография источника. Доклад написан достаточно грамотно, в отличие от множества текстов рядовых коммунистов периода Гражданской войны, что свидетельствует о высоком уровне образования автора.

⁴ Вероятно, дата указана неверно, и имелось в виду «5/06».

временем вели групповую агитацию и выясняли число партийцев и сочувствующих. На другой день ввиду явной реакционности этого съезда за исключением незначительной части его, съезд был до вечера оттянут и объявлен несостоявшимся. Срыв прошел без шума и без обострения.

В это же время нами велась работа по составлению своих списков, составляя их так, чтобы они были популярны среди крестьянства и рабочих всего района для этого ставили во главу своих списков 2-х партийных товарищей и далее видных, но не злостных зажиточных беспартийных.

В райгоскомиссию, состоящую из партийцев и работавшую под руководством парттройки, было заявлено всего 19 списков, но по формальным недостаткам было возвращено для исправления 13, которые вернулись в комиссию по окончании срока и потому были вовсе не приняты. Осталось к голосованию, признанными действительными 6 списков № 1-й кулацкий, № 2-й тоже с белогвардейцем во главе, № 3 наш, № 4 беспартийно-эсеровский, № 5 наш и № 6 тоже свой список под названием «Украинского вильного крестьянства», выставленный контрсписком против враждебных украинских списков, которые были заявлены, но признаны недействительными райгоскомиссией.

После этого приступили к размножению на гектографе своих списков, воззваний разработанных мною о популяризации своих списков и по расшифровыванию личностей списков противных нам. Все это вместе с избирательными записками, листовками и воззваниями, полученными от облкомиссии было пропорционально распределено и разослано по учкомиссиям и селам населения с инструкторами и мобилизованными более опытными партийцами, которым вменено было вести агитацию до окончания выборов и направить деятельность комячеек в этом направлении. Разосланы эти товарищи были под видом инструкторов райгоскомиссии. Я выехал по линии железной дороги до Облущья и Иннокентьевскую волость, где также инструктировал товарищей в Учкомиссиях и ячейки созывал в некоторых местах собрания ячеек или общие собрания граждан. К 26 июня возвратился обратно в Завитую для направления работы в уезд. центре.

Отношение населения к выборам в большинстве было пассивное. Причиной к этому послужило с одной стороны рабочее время и неосознание населением значения выборов, с другой стороны ссылались, что за коммунистов голосовать — плохо, а голосовать за кулаков или правые партийные группировки еще хуже будет, а потому лучше совсем не голосовать. Агитационную работу в этот момент поставить было очень трудно, т.к. крестьянство занято было полевыми работами и вообще к агитации коммунистов относилось отрицательно, на схода собирается неохотно.

Среди железнодорожных рабочих работу вести можно бы было, но материальное положение и дороговизна, выросшая к тому времени в Амурской обл. повергла рабочих в голодовку (в некоторых местах рабочие питались жолудями и по неделе и больше совершенно не кушали хлеба с семьями с 5—6 детьми), а потому всякое собрание созываемое на политическую тему, быстро через местных демагогов сводилась на обсуждение экономических вопросов. Все же по железной дороге ставили Устную газету на тему выборов, ставили спектакли, перед началом которых ораторы выступали с речами о значении выборов,

зачитывались воззвания по группам, распространялись листовки и т.д. Острое ощущение чувствовалось на местах в недостатке опытных партработников.

К вечеру 27 июня началось поступление в Райгоскомиссию выборных производств от ближайших Учкомиссий. Результаты были незавидные, а местами даже плачевные. Тут пришлось использовать мероприятие намеченное мною еще с начала приезда в Завитую, видя, что надеяться на сознательное отношение к выборам населения и на благополучный исход таковых нельзя, я предварительно хорошо продумав и взвесив могущие произойти последствия нашего провала на выборах, предложил Укому и парттройке дать задание разъезжавшимся инструкторам и ответственным партработникам готовить на местах, где можно, нелегально, через тов. в Учкомиссиях или через отдельных членов ячеек чистые бланки бумаги, статистические ведомости с печатями учкомиссий, а также пропечатанные записки, кроме того, где Учкомиссии были свои дано было проделать махинации на местах. Предложение это было утверждено единогласно.

Все это было выполнено удачно и при помощи этих материалов мы ночью поступающие производства выборов, под строжайшим секретом даже от партийцев, обрабатывали и направляли в райгоскомиссию, которая рассматривала их уже с представителем правых списков, при чем заподозрить что-либо было трудно и юридически придаться также невозможно. Не проделай этого мы провели бы по району из 7 только 2-х и не более 3-х своих, а так имеем из 7 депутатов 5 своих надежных коммунистов... Брезговать подобного рода приемами это было бы оплошностью и облпарткомиссия все это своим шифрованным циркуляром на мое имя и секретаря укома санкционировала⁵ [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 139. Л. 38 об.—41].

Текст доклада — красноречивое свидетельство того, что большевики получали необходимые результаты на выборах не только законными, но и незаконными методами: срывали неудобные собрания, отклоняли списки оппозиции под надуманными предлогами, вводили в заблуждение неграмотных избирателей, подделывали документы о результатах выборов и пр. Думается, Завитинский район не был исключением, а действия большевиков были обычной практикой проведения избирательной кампании.

В ходе выборов в областные собрания уполномоченных летом 1921 г. к голосованию привлекались войска, расположенные в областях, включая части Красной армии, состоявшие из советских граждан [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 91. Л. 68]. Для проведения избирательной кампании Дальбюро ЦК РКП(б) командировало ответственных партработников, в самих областях проводилась мобилизация военных и гражданских коммунистов для агитационной работы в деревне [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 91. Л. 57]. Выборы в областные собрания переносились, если складывалась неблагоприятная экономическая или политическая ситуация. Большевики избегали проводить кампании во время весенних полевых работ, сенокоса или уборки урожая, боясь, что на выборы придут только кулаки, а беднота не сможет в них участвовать [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 91. Л. 68].

⁵ Подчёркнутая часть текста в документе зачёркнута красным карандашом. Вероятно, это сделано членом Дальбюро ЦК РКП(б), читавшим доклад.

Главной задачей большевиков в условиях существования всеобщего избирательного права и оппозиционных партий являлось получение большинства голосов на выборах и обеспечение руководящей роли коммунистической партии в органах законодательной и исполнительной власти. Судя по переговорам по прямому проводу с областными властями, выполнение этой задачи осложнялось разными факторами: острым продовольственным кризисом, многомесячными задержками заработной платы, усталостью населения от гражданской войны и неверием представителям власти, «контрреволюционной деятельностью оппозиции». Сводки ГПО за 1920—1922 гг. отражали тяжелейшее внутривластное положение ДВР: на всей территории орудовали банды из дезертиров, остатков белого офицерства, казаков, кулаков; в городах зрели заговоры; «контрреволюционные» элементы вели подрывную агитацию против правительства ДВР, сеяли слухи о скором падении власти коммунистов [14, с. 119—130]. Доклады сотрудников ГПО, областных властей пронизаны опасениями, что свобода частной собственности и экономической деятельности буржуазии приведёт к росту политического влияния оппозиции, а борьба с ней в условиях «буфера» невозможна. Красноречивым примером ненависти к оппозиции является закрытое заседание Прибайкальского Губкома РКП(б) совместно с представителями райкомов, ЦБ профсоюзов, заведующих отделами КСМ и ГПО 30 декабря 1920 г. Риторика участников указывает на желание скорее установить советский порядок и применять советские методы борьбы с «контрреволюцией». В частности, начальник Прибайкальского областного отдела Госполитохраны Каптиков настаивал на том, что ГПО бессильна в борьбе с контрреволюцией из-за политических свобод, существовавших в ДВР. Он говорил: «...красный террор неизбежен и в Советроссии оправдывают нас. Наоборот, если мы ничего решительно не примем, то мы заслужим справедливый упрёк, что мы ничего не сделали и этой бездеятельностью принесли вред общему делу. В Иркутске и так на нас уже смотрят косо и считают чуть ли не белогвардейцами... Все эти декларации Правительства, все эти мягкотелости и проч. связывают у нас руки, а белогвардейщина с наглостью насаждает на нас. Терпения больше нет...» [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 91. Л. 195, 197—197 об.]. Его предложение «организовать террористическую группу из ответственных работников» для организации «красного террора» было поддержано большинством присутствовавших (6 голосами против 2) [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 91. Л. 194—195 об.].

В Конституции ДВР были провозглашены свобода слова, печати, собраний, равенство всех граждан перед законом вне зависимости от пола, рода занятий, национальности, вероисповедания и партийной принадлежности, разрешены деятельность и свободная агитация всех партий [6, с. 563—564]. Однако тексты большинства постановлений, циркулярных писем Дальбюро, отчётов областных властей, Госполитохраны на протяжении всей истории существования ДВР пронизаны обвинениями оппозиции во всех мыслимых и немыслимых грехах: в предательстве, сотрудничестве с интервентами, буржуазией, контрреволюции, распространении информации, порочащей правительство коммунистов, и пр. [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 60—61; Д. 11. Л. 97; Д. 24. Л. 16]. Когда в конце 1921 г. эсеры и меньшевики, не удовлетворённые

объёмом полномочий, предоставленных им в органах власти, вышли из Совета министров, коммунисты сразу стали обвинять их в предательстве и поддержке контрреволюции и призывать к беспощадной борьбе с ними [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 88. Л. 20; Д. 114. Л. 196].

С конца 1921 — начала 1922 г. большевики перешли к открытой борьбе против правых социалистов: деятельность последних стала трактоваться как антиправительственная. 1922 г. стал временем перехода к советским порядкам, возвращением смертной казни, отказа от свободы слова, печати, собраний, независимости суда, окончательного устранения с политической сцены оппозиционных партий (заккрытие эсеровских и меньшевистских газет, аресты их представителей, высылка их за пределы ДВР и пр.) [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 5. Л. 60; Д. 131. Л. 79, 137, 152, 160, 183].

Упразднение «буфера» является примером спланированной большевистской инсценировки — серии своеобразных «флешмобов» — демонстраций, митингов и собраний, на которых народные массы должны были потребовать упразднения правительства ДВР и установление власти ревкомов. Эти мероприятия прошли во всех областях республики [РГАСПИ. Ф. 372. Оп. 1. Д. 149. Л. 81, 104—105, 108]. Этот процесс детально рассмотрен исследователями [4, с. 94—105; 18, с. 43—44].

Таким образом, согласно Конституции, в Дальневосточной республике была провозглашена демократическая политическая система со всеобщим избирательным правом и парламентом, однако политические технологии большевиков фактически девальвировали все эти демократические институты. К таким методам можно отнести создание комфракций в представительных и исполнительных органах и обеспечение влияния на фракцию крестьянского большинства; руководство Дальбюро правительством и Советом министров; коммунистический контроль законодательной деятельности правительства. Успехи большевиков на выборах были достигнуты во многом за счёт административного ресурса: голосования армии, препятствий, создаваемых политическим оппонентам, использования государственных средств для агитации в пользу большевиков, выставления своих кандидатов по нескольким спискам, переноса выборов на фоне тяжёлой экономической ситуации и пр. Кроме указанных приёмов, использовались и незаконные — срыв неудобных собраний, отклонение списков оппозиции и выставление контрсписков, дискредитация кандидатур оппозиции, введение в заблуждение неграмотных избирателей, подделка документов о результатах выборов и пр. Большевики достигли значительных успехов в методах мобилизации и манипуляции массами, важную роль в этом играли энтузиазм и ораторские качества большевиков, неграмотность населения, его усталость от политических потрясений и войны. Дискурс документов, исходивших от Дальбюро, органов Госполитохраны, областных комитетов РКП(б) в течение всего времени существования «буфера» свидетельствовал о неприятии большевиками оппозиции вообще и правосоциалистической в частности. В 1922 г. давление на оппозицию становилось с каждым месяцем всё более ожесточённым, и летом фактически (но не юридически) произошёл переход на советский порядок.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Авдеева Н.А. Дальневосточная народная республика (1920—1922 гг.). Хабаровск: Книжное издательство, 1957. 64 с.
2. Азаренков А.А. «Буферная четырёххвостка»: выборные кампании в представительные органы власти Дальневосточной республики. Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомол.-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2001. 77 с.
3. Азаренков А.А. «Демократический компромисс»: идея «буфера» на Дальнем Востоке в планах и тактике политических сил — участников гражданской войны в России (январь 1920 — январь 1921). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсомольского-на-Амуре гос. пед. ун-та, 2001. 152 с.
4. Азаренков А.А. Методы ликвидации Дальневосточной республики в 1922 году // Вопросы истории. 2006. № 8. С. 94—105.
5. Азаренков А.А. Политическая модель Дальневосточной республики: механизм функционирования институтов власти «буферного» государства (1920—1922 гг.). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во КГПУ, 2001. 94 с.
6. Борьба за власть Советов в Приморье (1917—1922 гг.). Сб. док. Владивосток: Прим. кн. изд-во, 1955. 831 с.
7. Василевский В.И. К вопросу о парламентаризме в ДВР // Из истории Дальневосточной республики. Сб. науч. тр. Владивосток: ДВО РАН, 1992. С. 48—54.
8. Василевский В.И. К вопросу об особенностях политической жизни и межпартийных отношений в ДВР // Гражданская война на Дальнем Востоке России. Тез. докл. и сообщ. междунар. науч. конф. 5—9 октября 1992 г. Владивосток, 1992. С. 75—78.
9. Егуннов Н.П. Очерки истории Дальневосточной республики. Улан-Удэ: Бурятское книжное издательство, 1972. 116 с.
10. История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1. Дальний Восток России в период революций 1917 года и гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. 632 с.
11. Папин Л.М. Крах колчаковщины и образование Дальневосточной республики. М.: Наука, 1957. 224 с.
12. Позняк Т.З. «Больные вопросы» и внутривластное положение Дальневосточной республики в 1920—1922 годах // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2020. № 4. С. 51—62.
13. Позняк Т.З. Продовольственная проблема и внутривластная ситуация в Дальневосточной республике в 1920—1922 годах // Известия лаборатории древних технологий. 2021. Т. 17. № 2. С. 195—207.
14. Позняк Т.З. Реалии Дальневосточной республики в отчётах органов областных управлений и Госполитохраны // Итоги и перспективы развития исторической науки на Дальнем Востоке России (Десятые Крушановские чтения, Владивосток, 1—3 июня 2021 г.). Владивосток: Дальнаука, 2021. С. 119—130.
15. Позняк Т.З. Создание местных органов власти в Дальневосточной республике: декларации и реальность // Россия и АТР. 2020. № 2. С. 63—79.
16. Сонин В.В. Становление Дальневосточной республики (1920—1922). Владивосток: Изд-во ДВГУ, 1990. 352 с.
17. Ципкин Ю.Н. Дальневосточная республика: опыт демократической альтернативы // Из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Хабаровск: РИО ДВ ГНБ, 1999. Вып. 1. С. 119—146.
18. Цуканов С.С. Вклад Дальневосточного революционного комитета в развитие региона. 1922—1926 гг. Хабаровск, 2017. 143 с.

19. Цыпкин С., Шурыгин А., Булыгин С. Октябрьская революция и гражданская война на Дальнем Востоке. Хроника событий. 1917—1922 гг. Москва — Хабаровск: Дальгиз, 1933. 308 с.
20. Шерешевский Б.М. В битвах за Дальний Восток (1920—1922). Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1974. 187 с.
21. Шерешевский Б.М. Разгром семёновщины. (Апрель — ноябрь 1920 г.). О роли ДВР в борьбе за ликвидацию «читинской пробки» и объединение Дальнего Востока. Новосибирск: Наука, Сибирское отделение, 1966. 240 с.
22. Шурыгин А.П. Дальбюро ЦК РКП(б) в годы Гражданской войны (1920—1922) // Вопросы истории КПСС. 1966. № 8. С. 55—62.
23. РГАСПИ (Рос. гос. арх. социально-политической истории).

REFERENCES

1. Avdeeva N.A. *Dal'nevostochnaya narodnaya respublika (1920—1922 gg.)* [The Far Eastern People's Republic (1920—1922)]. Khabarovsk, Knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1957, 64 p. (In Russ.)
2. Azarenkov A.A. «*Bufernaya chetyrekhkhvostka*»: *vybornye kampanii v predstavitel'nye organy vlasti Dal'nevostochnoy respubliki* ["Buffer Four-Tails": Election Campaigns to the Representative Authorities of the Far Eastern Republic]. Komsomol'sk-na-Amure, Izd-vo Komsomol.-na-Amure gos. ped. un-ta Publ., 2001. 77 p. (In Russ.)
3. Azarenkov A.A. «*Demokraticheskiy kompromiss*»: *ideya «bufera» na Dal'nem Vostoke v planakh i taktike politicheskikh sil — uchastnikov grazhdanskoj vojny v Rossii (yanvar' 1920 — yanvar' 1921)* [“Democratic Compromise”: The Idea of a “Buffer” in the Far East in the Plans and Tactics of Political Forces — Participants in the Civil War in Russia (January 1920 — January 1921)]. Komsomol'sk-na-Amure, Izd-vo Komsomol'skogo-na-Amure gos. ped. un-ta Publ., 2001, 152 p. (In Russ.)
4. Azarenkov A.A. Metody likvidatsii Dal'nevostochnoy respubliki v 1922 godu [Methods of Liquidation of the Far Eastern Republic in 1922]. *Voprosy istorii*, 2006, no 8, pp. 94—105. (In Russ.)
5. Azarenkov A.A. *Politicheskaya model' Dal'nevostochnoy respubliki: mekhanizm funkcionirovaniya institutov vlasti «bufernogo» gosudarstva (1920—1922 gg.)* [The Political Model of the Far Eastern Republic: The Mechanism of Functioning of the Institutions of Power of the “Buffer” State (1920—1922)]. Komsomol'sk-na-Amure, Izd-vo KGPU Publ., 2001, 94 p. (In Russ.)
6. *Bor'ba za vlast' Sovetov v Primor'e (1917—1922 gg.)*. Sb. dok. [The Struggle for the Power of the Soviets in Primorye (1917—1922). Collection of Documents]. Vladivostok, Prim. kn. izd-vo Publ., 1955. 831 p. (In Russ.)
7. Vasilevskiy V.I. K voprosu o parlamentarizme v DVR [On the Issue of Parliamentarism in the Far Eastern Republic]. *Iz istorii Dal'nevostochnoy respubliki*. Sb. nauch. tr. [From the History of the Far Eastern Republic. Proceedings]. Vladivostok, DVO RAN Publ., 1992, pp. 48—54. (In Russ.)
8. Vasilevskiy V.I. K voprosu ob osobennostyakh politicheskoy zhizni i mezhpартийny'kh otnosheniy v DVR [On the Question of the Peculiarities of Political Life and Inter-Party Relations in the Far Eastern Republic]. *Grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke Rossii*. Tez. dokl. i soobshch. mezhdunar. nauch. konf. 5—9 oktyabrya 1992 g. [The Civil War in the Russian Far East. Abstracts of the International Scientific Conference on October 5—9, 1992]. Vladivostok, 1992, pp. 75—78. (In Russ.)
9. Egunov N.P. *Ocherki istorii Dal'nevostochnoy respubliki* [Essays on the History of the Far Eastern Republic]. Ulan-Ude, Buryatskoe knizhnoe izdatel'stvo Publ., 1972, 116 p. (In Russ.)

10. *Istoriya Dal'nego Vostoka Rossii. T. 3. Kn. 1. Dal'niy Vostok Rossii v period revolyutsiy 1917 g. i grazhdanskoj vojny* [The History of the Russian Far East. Vol. 3. Book 1. The Russian Far East during the Revolutions of 1917 and the Civil War]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2003, 632 p. (In Russ.)
11. Papin L.M. *Krakh kolchakovshchiny i obrazovanie Dal'nevostochnoj respubliki* [The Collapse of the Kolchak Movement and the Formation of the Far Eastern Republic]. Moscow, Izd-vo MGU Publ., 1957, 222 p. (In Russ.)
12. Poznyak T.Z. «Bol'nye voprosy» i vnutripoliticheskoe polozhenie Dal'nevostochnoj respubliki v 1920—1922 godakh “Painful Issues” and the Internal Political Situation of the Far Eastern Republic in 1920—1922]. *Gumanitarny'e issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, 2020, no. 4, pp. 51—62. (In Russ.)
13. Poznyak T.Z. Prodovol'stvennaya problema i vnutripoliticheskaya situatsiya v Dal'nevostochnoj respublike v 1920—1922 godakh [Food Problem and Internal Political Situation in the Far Eastern Republic in 1920—1922]. *Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologiy*, 2021, vol. 17, no 2, pp. 195—207. (In Russ.)
14. Poznyak T.Z. Realii Dal'nevostochnoj respubliki v otchytakh organov oblastnykh upravleniy i Gospolitokhrany [Realities of the Far Eastern Republic in Reports of Regional Administrations and State Political Protection Service]. *Itogi i perspektivy razvitiya istoricheskoy nauki na Dal'nem Vostoke Rossii (Desyatye Krushanovskie chteniya, Vladivostok, 1—3 iyunya 2021 g.)* [Results and Prospects of the Development of the Historical Science in the Russian Far East (The 10th Krushanov Readings, Vladivostok, June 1—3, 2021)]. Vladivostok, Dal'nauka Publ., 2021, pp. 119—130. (In Russ.)
15. Poznyak T.Z. Sozdaniye mestnykh organov vlasti v Dal'nevostochnoj respublike: deklaratsii i real'nost' [Formation of Local Authorities in the Far Eastern Republic: Declarations and Reality]. *Rossiya i ATR*, 2020, no 2, pp. 63—79. (In Russ.)
16. Sonin V.V. *Stanovlenie Dal'nevostochnoj respubliki (1920—1922)* [The Formation of the Far Eastern Republic (1920—1922)]. Vladivostok, Izd-vo DVGU Publ., 1990, 352 p. (In Russ.)
17. Tsipkin Yu.N. Dal'nevostochnaya respublika: opyt demokraticheskoy al'ternativy [The Far Eastern Republic: Experience of a Democratic Alternative]. *Iz istorii Grazhdanskoj vojny na Dal'nem Vostoke (1918—1922 gg.)* [From the History of the Civil War in the Far East (1918—1922)]. Khabarovsk, RIO DV GNB Publ., 1999, iss. 1, pp. 119—146. (In Russ.)
18. Tsukanov S.S. *Vklad Dal'nevostochnogo revolyutsionnogo komiteta v razvitie regiona. 1922—1926 gg.* [The Contribution of the Far Eastern Revolutionary Committee to the Development of the Region. 1922—1926]. Khabarovsk, 2017, 143 p. (In Russ.)
19. Tsyarkin S., Shurygin A., Bulygin S. *Oktyabr'skaya revolyutsiya i grazhdanskaya vojna na Dal'nem Vostoke. Khronika sobytij. 1917—1922 gg.* [The October Revolution and the Civil War in the Far East. Chronicle of Events. 1917—1922]. Moscow, Khabarovsk, Dal'giz Publ., 1933, 308 p. (In Russ.)
20. Shereshevskiy B.M. *V bitvakh za Dal'niy Vostok (1920—1922)* [In the Battles for the Far East (1920—1922)]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1974, 187 p. (In Russ.)
21. Shereshevskiy B.M. *Razгром semenovshhiny. (Aprel' — noyabr' 1920 g.). O roli DVR v bor'be za likvidatsiyu «chitinskoy probki» i ob'edinenie Dal'nego Vostoka* [Destruction of the Semyonovshchina. (April — November 1920). On the role of the Far Eastern Republic in the Struggle for the Elimination of the “Chita Traffic Jam” and the Unification of the Far East]. Novosibirsk, Nauka, Sibirskoe otdelenie Publ., 1966, 240 p. (In Russ.)
22. Shurygin A.P. Dal'byuro TsK RKP(b) v gody' grazhdanskoj vojny (1920—1922 gg.) [Dal'byuro of the Central Committee of the RCP(b) during the Civil War (1920—1922)]. *Voprosy istorii KPSS*, 1966, no. 8, pp. 55—62. (In Russ.)

Дата поступления в редакцию 28.04.2022